

УДК 355.47:528.9; 912

А. А. ТИШКОВ

Институт географии РАН, г. Москва

ГЕОГРАФИЯ И ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА: ВЗГЛЯД СПУСТЯ 70 ЛЕТ

С новых позиций рассматривается отмеченный ранее многими учеными выдающийся вклад отечественной географии в обеспечение армии и тыла военно-географической информацией и специальными картами в период Великой Отечественной войны. Подтверждены авторские гипотезы об исходном мобилизационном характере довоенной отечественной географической науки, о становлении в период войны нового направления — географии ресурсов — и об определяющей роли ландшафтного подхода и его значении в комплексном военно-географическом картографировании.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, мобилизационный характер географии, ландшафтный подход, география ресурсов, военно-географические описания, специальные военно-географические карты.

This paper considers from a new perspective the notable contribution, as highlighted previously by many scholars, from national geography to the provision of the Armed Forces and the home front with military-geographical information and special maps during the Great Patriotic War. This author's hypotheses are confirmed concerning the initial mobilizational nature of the pre-war national geographical science as well as the war-driven emergence of a new direction, i. e. resources geography, and a dominant role of landscape approach and its significance in comprehensive military-geographical mapping.

Keywords: Great Patriotic War, mobilizational nature of geography, landscape approach, resources geography, military-geographical descriptions, special military-geographical maps.

ВВЕДЕНИЕ

В основу данной статьи положены три гипотезы, доказательства которых позволяют с новых позиций рассмотреть отмеченный ранее многими учеными [1–5] выдающийся вклад отечественной географии в Победу, в обеспечение армии и тыла качественной военно-географической информацией и картами.

Первая гипотеза касается исходного *мобилизационного характера* довоенной отечественной географической науки, который она приобрела в условиях внешних ограничений развития в первые годы советской власти, необходимости для страны самостоятельно обеспечивать себя ресурсами — сначала для ведения гражданской войны, затем для восстановления хозяйства и проведения индустриализации в условиях военной, экономической и политической блокады. Именно эта направленность географических исследований сформировала алгоритм решения конкретных задач пространственного развития молодой республики и размещения производительных сил путем поиска и вовлечения (мобилизации) ресурсов — природных и людских. На этой волне в 1918 г. был создан Институт географии Академии наук как промышленно-географический отдел при Комитете по развитию естественных производительных сил (КЕПС) [6]. Мобилизационный характер географии 1920–1930-х гг., крупные комплексные экспедиции в Якутию, Арктику, Прикаспий, на Кольский полуостров, Памир позволили ученым в начале Великой Отечественной войны оперативно включиться в прикладные исследования, картографические работы и полевые изыскания в районах нового освоения.

Вторая гипотеза связана с вполне обоснованным предположением, что в 1941–1945 гг. оформилось новое научное направление — *география ресурсов*. В период его становления сложилось представление о стратегической природе ресурсов, которые в военное время требуются армии и тылу. Этот аспект был подмечен В. М. Котляковым и В. С. Преображенским [3] и исследователями истории отечественной географии [7]. Однако он не связывался напрямую с возвратом в период войны к отраслевостатистическому направлению экономической географии, созданному В. Э. Деном, которое было объявлено идеологически вредным и разгромлено в 1930-е гг. в угоду советской районной школе Н. Н. Баранского — единственной «разрешенной» методологической основе экономико-географических исследований в те годы.

И наконец, третья гипотеза — *о роли и месте ландшафтного подхода* в географии военного времени, особенно учений Л. С. Берга о ландшафте и А. А. Григорьева о географической оболочке, и их значении в комплексном военно-географическом картографировании для оборонительных, наступательных целей армии и мобилизации ресурсов, в первую очередь пространственных (размещение эвакуируемых производств и населения), людских, земельных и минеральных. Прежние исследователи роли географии в Победе воспринимали ландшафтную основу как данность, хотя и до, и после войны в СССР хронологическое направление А. Геттнера в географии и развивающее его учение о ландшафте Л. С. Берга подвергались постоянной критике.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ОСНОВА ПРОВЕРКИ ГИПОТЕЗ

Для проверки всех трех гипотез использованы публикации коллег [1–3, 8–13] и Список работ Института географии АН СССР, выполненных во время Великой Отечественной войны (1941–1943 гг.) [14] (рис. 1). В Списке [14] содержатся следующие информационные материалы по итогам работы сотрудников и привлеченных специалистов Алма-Атинской и Московской групп института, а также специальной военно-картографической группы, созданной при Совете по изучению производительных сил (СОПС), но располагающейся в Институте географии на базе его спецчасти.

1. Работы по мобилизации ресурсов тыловых районов на нужды обороны (с. 4–32), в том числе: работы экспедиции по изучению и мобилизации земельных ресурсов Казахстана; работы по выявлению возможностей производственного развития населенных пунктов восточных районов СССР; работы Карагинской экспедиции (п-ов Мангышлак); работы Талгарской экспедиции.

2. Материалы по восстановлению хозяйства районов, пострадавших от войны (Донецкий бассейн) (с. 33–35).

3. Военно-географические описания (с. 35–58), в том числе: справочники для Военно-воздушных сил Красной Армии; описания отдельных территорий районов СССР и фронтов; описания зарубежных стран; материалы для военно-географических справочников.

4. Военно-климатические описания (с. 59–62).

5. Работы по снегу (с. 62–66).

6. Географическое дешифрирование аэрофотоснимков (с. 66–70).

7. Специальные военно-географические и физико-географические карты и методика их составления (с. 70–74).

8. Работы общегеографического характера и диссертации (с. 74–80).

9. Научно-популярные работы.

10. Справочные работы.

Кроме того, к Списку в отдельном конверте приложена таблица (рис. 2), многократно правленная, с указанием общего количества подготовленных за два года и три месяца документов и карт. На рукописи [14] стоит гриф «Не подлежит оглашению» и дата 31 декабря 1943 г. Содержание самой таблицы частично воспроизводилось и анализировалось в статье В. С. Преображенского и Т. Д. Александровой [13], но все же уместно повторить ее итоговые данные: количество названий подготовленных документов — 141, их объем — 1032 печатных листа, количество

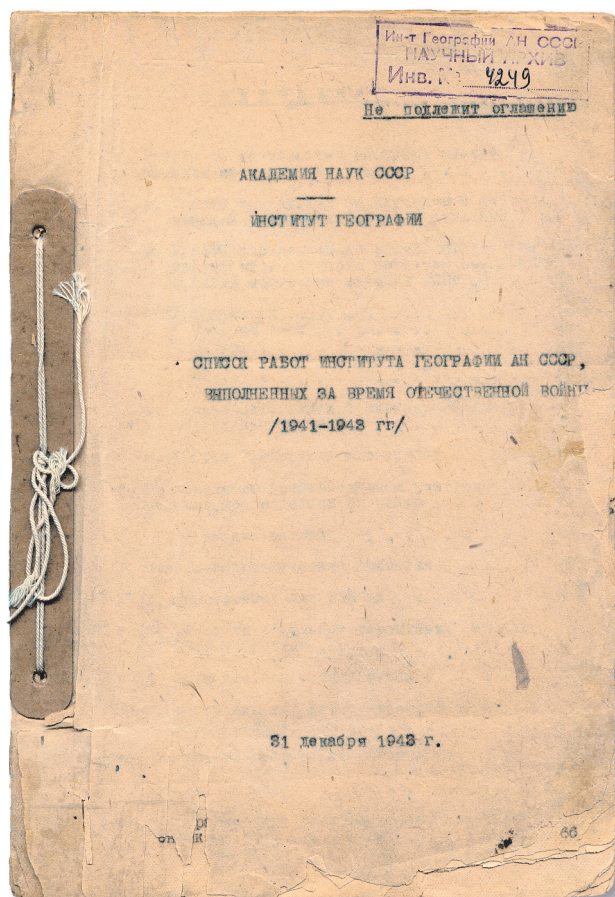

Рис. 1. Список работ Института географии АН СССР, выполненных за период Великой Отечественной войны (1941–1943 гг.) [14].

Рис. 2. Перечень итогов работы Института географии АН СССР за период Великой Отечественной войны (1941–1943 гг.) [14].

карт — 866 (в том числе по мобилизации ресурсов — 473, специальных военно-географических — 383).

Анализ этих и других архивных материалов, а также комментарии и воспоминания самих участников работ публиковались неоднократно [8–13, 15–17]. Однако, как нам видится после сопоставления содержания статей, архивных материалов и свидетельств очевидцев, в некоторых публикациях сохранялась тенденциозность в освещении событий, делались попытки возвышения роли отдельных личностей и принижения других. Также, за редким исключением, чувствовалось нежелание авторов писать о методологических основах географических изысканий периода войны. Речь идет о разгромленном еще в 1930-х гг. отраслево-статистическом направлении экономической географии В. Э. Дена, продолжении борьбы с «деновщиной», политический ярлык которой — «антисоветские построения геттнерианцев», а также о скрытом (без ссылок) развитии страноведческой и хронологической концепции А. Геттнера в виде ландшафтного подхода в географии. Можно было бы и не вспоминать об этом, если бы не продолженная сразу после войны критика академиков Л. С. Берга и А. А. Григорьева [18], закончившаяся смертью первого и уходом в 1951 г. с поста директора второго. Эти события не помешали устроить в стенах Института географии в те годы настоящее политическое судилище, аналогичное печально известной сессии ВАСХНИЛ [19–22]. Так, в самом начале своего выступления на заседании ученого совета, посвященном критике теоретических положений Л. С. Берга и А. А. Григорьева, заместитель директора института А. Д. Данилов указал, «...что еще до недавнего времени в Институте географии АН СССР, на географическом факультете Московского государственного университета и в Географическом обществе СССР, особенно в его Московском филиале, были слабо развернуты критика и самокритика. В этих учреждениях была создана обстановка, в которой не в меру почитался авторитет академика А. А. Григорьева и академика Л. С. Берга, в то время как у этих ученых имелись крупные теоретические ошибки» [19, с. 95].

МОБИЛИЗАЦИОННЫЙ ХАРАКТЕР ДОВОЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГЕОГРАФИИ

В начале XX в. в России благодаря усилиям В. В. Докучаева шло становление комплексных основ географии, а распространение идей А. Геттнера и его последователей, например Л. С. Берга, способ-

Названия	Количество		
	Листов	Карт	В.мисет
1. Работы по мобилизации ресурсов тыловых районов на нужды обороны	52	367	483
А. Работы экспедиции по изучению и мобилизации земельных фондов Казахстана	5	80	473
Б. Работы экспедиции по выявлению возможностей промышленного развития населенных пунктов восточных районов СССР	47	287	—
— Сибирь 7 назв. 64 л. л.			
— Урал 2 " 48 "			
— Казахстан 22 " 78 "			
— Средняя Азия 5 " 28 "			
— Поволжье 19 " 67 1/2 "			
В. Работы Карагинской экспедиции /полуостров Мангышляк/	—	—	4
Г. Работы Талгарской экспедиции	—	—	6
П. Материалы по восстановлению хозяйства районов, пострадавших от войны	4	7 1/2	—
Донецкий бассейн 4 назв. 7 1/2 печ. л.			
Ш. Военно-географические описания	45	426	—
А. Справочники для ВВС КА 8 назв. 65 п. л.			
Б. Описания отдельных территорий районов СССР и фронтов 10 назв. 126 п. л.			
В. Описания зарубежных стран 19 назв. 182 п. л.			
Г. Материалы для военно-географических справочников 8 назв. 54 п. л.			
1У. Военно-климатические описания	4	11	—
У. Работы по онегу	10	14	—
У1. Географическое дешифрирование аэрофотоснимков	7	18	—
УП. Специальные военно-географические и физико-географические карты и методики их составления	2	15	383
Тексты к картам	—	70	—
УШ. Работы общего географического характера и диссертации	12	35	—
1Х. Научно-популярные работы	3	18 1/2	—
Х. Справочные работы	2	—	—
ЗАВ. РЕДАКЦИЕЙ: С. М. КОГАН /С. М. КОГАН/			

ствовало внедрению в науку хорологической концепции, рассматривающей территорию как «синтетическую категорию», требующую внимания единой географии. Однако уже к концу 1930-х гг. процесс дифференциации наук стал набирать обороты. Разделение географии на экономическую и физическую происходило прежде всего на фоне «признания практического значения деятельности географов» [7], заключавшегося в обеспечении экономики молодой республики ресурсами. Мобилизационный характер науки проявился при масштабном освоении Арктики, создании основ для развития гидроэнергетики, сельского, лесного, охотничьего и рыбного хозяйств, вовлечении минеральных ресурсов в экономику, при проектировании новых транспортных и промышленных узлов. География была востребована практикой, а сама профессия географа до войны стала массовой. Это происходило на фоне острой дискуссии между лидерами «консервативной» физической и «прогрессивной» экономической географии, внутри которой также кипели страсти, в первую очередь из-за востребованности знаний о природе, хозяйстве и ресурсах страны. Марксистско-ленинская идеология не допускала развития таких направлений общественной географии, как демография, политическая и социальная география, базирующихся на достоверной статистике и опросах населения, а статистико-отраслевой подход в экономической географии, который получил развитие еще в конце XIX в., был разрушен.

Активное развитие мобилизационной географии в довоенные годы проявилось не только в создании новых научных и научно-производственных организаций географического профиля (Промышленно-географический отдел при КЕПС (1918), Гидрологический институт (1919), Геоботанический институт (1922), Почвенный институт (1925), Институт Севера (1925) и т. д.), но и в том, что многие географы были приглашены в Госплан, СОПС и другие организации, отвечающие за мобилизацию ресурсов для промышленности, энергетики и транспорта и за пространственное развитие страны.

НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ГЕОГРАФИИ — ГЕОГРАФИЯ РЕСУРСОВ ДЛЯ ФРОНТА И ТЫЛА

Уже в 1943 г. экспедиция Института географии АН СССР по мобилизации земельных фондов Казахстана составила атласы, в которых собраны карты (м-б 1:5 000 000) полезных ископаемых, промышленности, природных ресурсов, основных условий для развития сельского хозяйства республики [14]. Другая экспедиция — по выявлению возможностей промышленного развития восточных районов СССР, возглавляемая проф. В. Ф. Васютиным, практически для каждого района, промышленного узла и населенного пункта определяла с учетом географических черт территории ее обеспеченность ресурсами: водными, топливными, строительного сырья, рудными, для развития транспорта и пр. Так, М. И. Помус и Д. Р. Богорад составили краткие, но содержательные экспертные оценки обеспеченности стратегическими ресурсами районов Западной Сибири (Омской области), Н. И. Шишкин — Урала, Н. Ф. Пришлепцов — Поволжья. Л. Г. Каманин и К. К. Марков оценили природные условия и ресурсы вдоль «возможного Северо-Сибирского направления трасс магистрали» [14, с. 30], а руководимая С. Ю. Геллером Карагинская экспедиция в составе В. Н. Кунина, Э. Г. Меерсона, В. К. Соловьева, Ф. Я. Данилова и др. провела детальную оценку химико-энергетического использования бессточных впадин Караги и Ащи-сор при пропуске в них каспийской воды. Здесь планировалось получать до 1 млн т сульфата, до 250 млн кВт·ч электроэнергии и за счет ее использования — до 10 тыс. т металлического магния.

Создание ресурсной базы для промышленности СССР в первые десятилетия после 1917 г. шло с активным участием географов, так как еще В. И. Лениным была поставлена исключительно мобилизационная задача по оптимизации размещения промышленности в соответствии с рациональным использованием ресурсов. А уже в планах ГОЭЛРО и при формировании так называемых районов Госплана [7] все было подчинено организации территориального планирования с порайонной специализацией (природные, трудовые ресурсы, географические условия и положение). При такой методологической основе («единственно правильной») районная научная школа Н. Н. Баранского и Н. Н. Колосовского к началу войны должна была обеспечить создание мощной инфраструктуры мобилизации ресурсов для нужд фронта и тыла. Она и была создана, однако не только районной школой, но и благодаря идеям, заложенным в отечественной географии еще до революции отраслево-статистической школой В. Э. Дена.

Востребованность мобилизационной модели географии связана с прямой стратегической ошибкой советского руководства, которое перед войной выдвинуло лозунг «Бить врага на его территории!», хотя уже в начале Второй мировой войны (1939–1941 гг.) было понятно, что СССР в случае его вступления в войну получит «глубокий фронт» и с запада, и с востока. К. К. Марков [17] еще в 1943 г.

отмечал, что Великая Отечественная война предъявляла высокие требования к тылу, а для ее ведения были необходимы значительные объемы стратегических ресурсов.

Важность географии сырья отчетливо понимали все сотрудники Института географии АН СССР, участвовавшие в работах по военно-географическому обеспечению армии и тыла. Ю. Г. Симонов [23] обратил внимание на становление в период войны географии природных ресурсов как самостоятельной науки. Он писал: «Очень важным оказался контакт географического факультета с Институтом географии Академии наук. В годы войны, когда стране потребовались знания о наших природных ресурсах и их размещении на территории нашей страны, правительство обратилось не к университету, а к Академии наук» [23, с. 143]. Сразу после войны это направление получило развитие в Институте географии АН СССР, где продолжали работать А. А. Минц, И. В. Комар, Г. И. Приваловская и др. В 1950-х гг. здесь началась подготовка 15-томной серии «Природные условия и естественные ресурсы СССР», изданной в 1963–1972 гг., а в 1962 г. в Ленинграде был проведен III съезд Географического общества по теме «Роль географии в изучении, охране и восстановлении природных ресурсов СССР». Становление нового направления в географии завершилось.

ЛАНДШАФТНЫЙ ПОДХОД

В статье по истории советской географии 1930–1950-х гг. А. Г. Исаченко пишет: «Уже в конце 1930-х годов на географическом факультете ЛГУ явственно ощущался непререкаемый авторитет Л. С. Берга, и идея географического ландшафта получила всеобщее признание у специалистов разных отраслевых дисциплин» [24, с. 26]. Дискуссия между представителями физической и экономической географии еще в 1920-х гг. приобрела политический характер: физической географии отводилась роль весьма «консервативной» науки, подсобной в отношении экономической географии. Поэтому и развитие идей А. Геттнера об интеграции географии не встретило у экономгеографов нужного понимания.

Великая Отечественная война все расставила по своим местам: и в Москве, в Институте географии АН СССР, и в блокадном Ленинграде, в НИИ географии (НИИГ) при ЛГУ, для выполнения заданий военного времени специалисты в области двух направлений объединились, на практике подтвердив *единство географии и ее страноведческую основу*. Оборонное и мобилизационное направления географической науки как раз и подразумевали интеграцию и межотраслевой синтез: ландшафтное картографирование, ландшафтный подход в составлении комплексных военных карт (обзорных, специальных, крупномасштабных на основе детальной оценки ПТК), а также составление военно-географических справочных описаний различных территорий — от стран и крупных регионов (театра военных действий, фронтов, эвакуационных округов тыла) до отдельных районов, мест действия оборонительных и наступательных сил.

К практическим проявлениям ландшафтной сути географии могут быть отнесены и крупные работы географов в области мобилизации стратегических ресурсов тыла для обеспечения фронта, в первую очередь ландшафтные оценки земель Казахстана, юга Урала и Сибири для создания новых районов зернового хозяйства — будущей целины [1, 2, 11]. Мобилизация земельных фондов Казахстана проводилась на основе детального комплексного картографического анализа территории республики: «По заданию Совнаркома СССР и Совнаркома Казахской ССР Казахстанская экспедиция Института географии АН СССР изучала земельные фонды и их использование с целью изучения вопроса о мобилизации ресурсов на нужды обороны и выявления резервов для расширения земледелия и увеличения поголовья скота в Казахстане» [14, с. 7]. Руководили работами акад. А. А. Григорьев и проф. П. В. Погорельский, в научном сопровождении и картографировании принимал участие проф. К. К. Марков. Это позволило, например, выполнить некоторые карты и описания именно с позиций ландшафтного подхода. Отчет по теме «Естественные кормовые ресурсы Казахстана», составленный в 1943 г. известным геоботаником, последователем индикационной школы Л. С. Раменского Л. Н. Соболевым, включал такие комплексные картографические сюжеты, как типы естественных кормовых угодий, природное районирование с описанием естественной кормовой базы. Среди карт Казахской ССР м-ба 1:1 000 000 и 1:2 000 000, составленных Алма-Атинской группой Института географии АН СССР в 1942–1943 гг., выделим карты природных районов, условий сельскохозяйственного водообеспечения, распределения естественно-кормовых угодий и земельных фондов.

Ландшафтный подход отличал и работу Талгарской геоморфологической экспедиции, общее руководство которой осуществлял А. А. Григорьев, а начальником был Г. А. Авсюк. В состав экспедиции входили М. С. Калецкая, С. Н. Матвеев, М. И. Иверонова, М. А. Глазовская, В. М. Кузнецов.

По результатам исследований 1942–1943 гг. были составлены геоморфологическая карта Юго-Восточного Казахстана м-ба 1:1 000 000 и карты отдельных горных территорий Тянь-Шаня и Алтая м-ба 1:500 000, которые представляли собой «более совершенную основу для решения различных практических задач, связанных с освоением и пересечением горных районов» [14, с. 32].

Наиболее полно ландшафтный подход реализован при составлении военно-географических описаний, подготовка которых шла в Институте географии под руководством В. Ф. Васютина и К. К. Маркова. Именно с позиций комплексного ландшафтного анализа в 1943 г. для Военно-воздушных сил были подготовлены описания таких направлений, как северное (Кольский п-ов, Норвегия, Финляндия и др.), западное (Смоленско-Московская возвышенность, Белоруссия, Полесье, север Польши и Германии), юго-западное (Окско-Донская равнина, Среднерусская возвышенность, Правобережная и Левобережная Украина, Карпаты, Центральная Польша, Чехия, юг Германии), южное (Кавказ, Крым, нижний Дунай, юг Украины, Венгрия, Румыния), Закавказского театра военных действий (Сирия, Ирак, Иран, Турция, Закавказье), Большой Кавказ, Дальний Восток (советский Дальний Восток, Корея, Северный Китай) и Монголия.

Типовое содержание физико-географической части описаний включало, помимо характеристики рельефа, вод, почв, растительности и обязательных изображений на аэроснимках, так называемые общий очерк и общую оценку. Ландшафтный характер описаний определялся участием в этих междисциплинарных работах геоморфологов, гидрологов, геоботаников, почвоведов: А. С. Кесь, Н. В. Думитрашко, Е. М. Лавренко, А. М. Семенов-Тянь-Шанской, К. К. Маркова, Н. Н. Розова, И. П. Герасимова, Ю. А. Ливеровского, А. В. Живаго, А. Г. Доскач, Ф. П. Саваренского и др. Для военно-географических описаний прифронтовых территорий составлялись карты почвенно-ботанические, элементов проходимости, условий передвижения и маскировки, природных рубежей. Данные карты, хранящиеся сейчас в архиве и музее Института географии РАН, по сути являются ландшафтными. Указание на раздел «Ландшафты» появляется, однако, только в описаниях отдельных стран (в типовом содержании он следует после раздела «Основные черты устройства поверхности» [14]). Иногда описания ландшафтов и карты включены в специальный раздел, где указаны условия проходимости, распутица, естественные рубежи, санный путь, условия высадки десанта, взлетно-посадочные условия, горизонтальная видимость по сезонам. Среди военно-климатических материалов, выполненных в Институте географии, имеется Альбом ландшафтных карт сезонных изменений цветности фона главных растительных покровов европейской части СССР, составленный В. И. Долгошовым в 1943 г. для нужд военной маскировки [14]. Ландшафтными в своей основе были и карты снежного покрова, созданные в период войны Г. Д. Рихтером.

Все направления деятельности и исследований, объединенных под названием «Географическое дешифрирование аэрофотоснимков», полностью базировались на концепции ландшафта. Например, В. С. Волынская и А. В. Живаго в 1942 г. подготовили специальное методическое пособие для армии «Географический ландшафт и аэрофоторазведка», которое включало такие главы, как «Зависимость маскировочных мероприятий от ландшафта» и «Дешифровочные характеристики географических ландшафтов».

Еще в 1942 г. институт подготовил альбомы, получившие название «Ландшафты территории фронта», для природных зон — тайги, смешанного леса, лесостепи и степи. В этих работах ландшафтный подход был реализован в полной мере и позволял доносить до пользователя сведения о специфике компонентов зональных ландшафтов.

В деятельности специальной группы военно-географического картографирования под руководством проф. И. П. Герасимова была использована новая методика комплексной или ландшафтной картографии, впоследствии применявшаяся при создании учебных карт и карт различного хозяйственного назначения. В целом можно сделать вывод, что составители карт ландшафтов территории фронта, элементов проходимости руководствовались методологией ландшафтной концепции Л. С. Берга и представлениями А. А. Григорьева, не считаясь с навязанной методологией «научно-дисциплинарного деления» географии.

Именно в период Великой Отечественной войны проявилась острая востребованность географических знаний и ландшафтного подхода с их универсальным характером и возможностями пространственного анализа общественных и физико-географических объектов и процессов, имеющих региональную дифференциацию. И сегодня для России остается актуальным постоянное соотношение предметов изучения физической или экономической географии с ландшафтной структурой территории. Об этом убедительно пишет А. Г. Исаченко [24], рассуждая о ландшафтном подходе и оптими-

зации географо-статистических исследований при попытках пересчитать в системе «мезоландшафтного районирования» статистические величины, полученные для территориальных единиц административного деления (именно это приходилось делать сотрудникам Института географии в период войны). В то же время практически сразу по окончании войны работы Л. С. Берга и А. А. Григорьева стали подвергаться критике, в том числе и со стороны учеников — И. П. Герасимова и К. К. Маркова. Так, в статье «Об основных вопросах географической науки» приводится хроника обсуждения на ученом совете Института географии АН СССР состояния географии, в частности дискуссия по статье А. М. Смирнова «Об основах географической науки» в «Вопросах философии». Было отмечено, что «статья правильно критикует ошибки покойного академика Л. С. Берга, ландшафтной школы Московского государственного университета, а также ошибки академика А. А. Григорьева...» [19, с. 95]. В защиту А. А. Григорьева выступили только Д. Л. Арманд, Б. А. Федорович, А. Г. Доскач [20].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Можно сделать вывод, что все три гипотезы, рассмотренные выше, получили свое подтверждение: 1) география сохранила свой мобилизационный характер, сформированный в первые десятилетия после революции 1917 г., что было крайне трудно в условиях доминирования районной школы и борьбы с «деновщиной»; 2) благодаря четкому социальному заказу государства (армии и тыла) и реабилитации в период войны отраслево-статистического направления экономической географии В. Э. Дена оформилось новое направление — география ресурсов; 3) по спектру наименований и содержанию подготовленных материалов установлено, что в методологии военно-географических описаний и специальных карт, составлением которых занимались сотрудники Института географии АН СССР и привлеченные специалисты, доминировали ландшафтный подход Л. С. Берга и комплексное по сути учение о физико-географическом процессе А. А. Григорьева, которые после войны подверглись острой критике, в том числе в печати [18–22, 25].

География в военные годы была востребована как область профессиональной научной и практической деятельности, проникающей практически во все сферы жизни общества. В 1941–1945 гг. она обладала весьма ограниченным арсеналом технических средств для оперативного изучения и картографирования природы, хозяйства и населения, была отстранена от многих важных процессов получения статистической информации о состоянии хозяйства, демографии и расселения. В обороте географических данных вообще отсутствовал целый блок географической информации по инфраструктуре ГУЛАГа, который имел существенное значение и для обороны, и для тыла. Однако, несмотря на это, география занимала ведущие позиции в обеспечении фронта и тыла военно-географической информацией и картами. Она выполняла важный социальный заказ общества — создавала условия эффективного вовлечения территории и ее стратегических ресурсов в дело Победы.

При таком понимании места географической науки ее инновационная и интеграционная составляющие определялись не приращением теории и технологий, а в значительной степени сложившимися до войны единством географической науки, комплексным характером ее исследований и тесным взаимодействием ее физического и экономико-географического «крыльев», которое было заложено еще в начале XX в. и едва не разрушено перед войной. Для эффективного выполнения заданий армии и тыла география максимально использовала мобилизационный характер науки и ландшафтный подход, позволивший оперативно проводить картографический синтез для воспроизводства военно-географических сюжетов, в том числе стратегических и тактических (оборонительных, наступательных, разведывательных).

В 1941–1945 гг. в отечественной географии были заложены тенденции, определившие новую методологию познания пространственной организации природы, хозяйства и населения, востребованную в условиях послевоенного восстановления хозяйства, железного занавеса и централизованной экономики. Развитие получили такие синтетические направления географии, как география природных ресурсов, территориальное планирование, региональное развитие. Наконец, очевидным стало использование в географических исследованиях новых методов, например аэросъемки и дешифрирования, которые помогали оперативно оценивать и картографировать состояние ландшафта.

Все это, как показывает анализ деятельности сотрудников Института географии АН СССР в годы Великой Отечественной войны, позволило отечественной географии внести весомый вклад в дело Победы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Григорьев А. А. Институт географии АН СССР в дни Отечественной войны // Вестн. АН СССР. — 1943. — № 7–8. — С. 41–43.
2. Григорьев А. А. Советская география и война // Изв. ВГО. — 1944. — Т. 76, вып. 1. — С. 10–20.
3. Котляков В. М., Преображенский В. С. Академическая география — Вооруженным силам (1941–1944 годы) // Изв. РАН. Сер. геогр. — 1995. — № 2. — С. 9–21.
4. Ферсман А. Е. География на службе войны // Вопр. географии. — 1985. — Сб. 128. — С. 25–30.
5. Советские географы — фронту и тылу (1941–1945 гг.) / Отв. ред. Л. С. Абрамов. — М.: Мысль, 1985. — 238 с. (Вопр. географии ; Сб. 128).
6. Котляков В. М., Тишков А. А. Стратегия устойчивого развития России в начале 21 века: инновационные векторы и место географического прогноза // Инновации. — 2009. — № 9. — С. 74–81.
7. Голубчик М. М., Евдокимов С. П., Максимов Г. Н. История географии. Учеб. пособие. — Смоленск: Изд-во Смолен. ун-та, 1998. — 224 с.
8. Абрамов Л. С. Советская география в Великой Отечественной войне // Изв. АН СССР. Сер. геогр. — 1985. — № 2. — С. 5–17.
9. Абрамов Л. С. Географическая наука — Победе // Изв. РАН. Сер. геогр. — 1995. — № 2. — С. 5–9.
10. Герасимов И. П., Кесь А. С. Опыт составления комплексных географических карт // Труды 2-го съезда Геогр. о-ва СССР. — М., 1948. — Т. 1. — С. 348–355.
11. Доскач А. Г., Кесь А. С., Назаровский О. Р., Помус М. И. География в учреждениях Академии наук СССР в годы Великой Отечественной войны // Изв. АН СССР. Сер. геогр. — 1975. — № 3. — С. 5–10.
12. Кесь А. С. Работы межинститутской группы Академии наук СССР // Вопр. географии. — 1985. — Сб. 128. — С. 155–160.
13. Преображенский В. С., Александрова Т. Д. Комплексные военно-географические карты: 1941–1944 гг. Опыт академического специального картографирования // Изв. РАН. Сер. геогр. — 1995. — № 2. — С. 22–34.
14. Список работ Института географии АН СССР, выполненных за время Отечественной войны (1941–1943 гг.). Рукопись / Сост. С. М. Коган. — Архив Ин-та географии РАН. — Инв. № 4249. — 84 с.
15. Ефремов Ю. К. Из опыта военно-географического обслуживания фронта // Вопр. географии. — 1985. — Сб. 128. — С. 77–83.
16. Марков К. К. Воспоминания и размышления географа. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. — 118 с.
17. Марков К. К. Военная география // Изв. ВГО. — 1943. — Т. 75, вып. 3. — С. 13.
18. Марков К. К. Ошибки академика А. А. Григорьева // Изв. ВГО. — 1950. — Т. 82, № 5. — С. 453–471.
19. Витязева В. А. Об основных вопросах географической науки // Вестн. АН СССР. — 1950. — № 7. — С. 95–98.
20. Александрова Т. Д. Академик Андрей Александрович Григорьев. Жизнь и научное творчество (1883–1968) / Отв. ред. В. М. Котляков. — М.: Изд-во КМК, 2011. — 416 с.
21. Тишков А. А. Люди нашего племени. Очерки об ученых — учителях, коллегах, друзьях. — М.: Изд-во Ин-та географии РАН, 2012. — 276 с.
22. Тишков А. А., Мурзаева В. Э. Пространство, время и люди — главные герои жизни Э. М. Мурзаева // Изв. РАН. Сер. геогр. — 2008. — № 2. — С. 132–137.
23. Симонов Ю. Г. История географии в Московском университете: события и люди. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2013. — Т. 2, ч. 1. — 464 с.
24. Исаченко А. Г. Страницы из истории советской географии тридцатых–пятидесятых годов XX века. К 125-летию Л. С. Берга и 100-летию С. В. Калесника // Изв. РГО. — 2001. — Т. 133, вып. 1. — С. 23–33.
25. Исаченко А. Г. Учение о ландшафте, его интерпретационный и методологический потенциал // Вопр. географии. — 2014. — Сб. 138. — С. 26–35.

Поступила в редакцию 22 декабря 2014 г.